

МAGIC XXV ВОЛНА

ГЕОРГИЙ ПЕРЦОВСКИЙ

БЕЛОЕ и ЧЕРНОЕ

— Легенды Лесогорья —

Георгий Герцовский

Белое и черное

Серия «Легенды Лесогорья»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40480675
Белое и черное:

Аннотация

Что такое хорошо и что такое плохо? – вопрос, на который мы получаем ответ с детства. И казалось бы, все ясно. Вот правое, вот левое, тут белое, а там черное... Но что, если это не так? Что, если Белое и черное нужны друг другу? Не отвергают, не борются, а наоборот – дополняют? Что, если те, кого мы привыкли считать темными, делают светлое дело? И каково это узнать демону или огромному злобному троллю, ищущему выход своей ненависти, что они совсем не тем силам служат, которым хотели? Как они поведут себя, узнав об этом? Или это самообман – и черное остается черным, а белое – белым, и они никогда не встретятся, как не могут встретиться мир людей и демонов с миром эльфов и троллей?

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Георгий Герцовский

Белое и черное

*Моему другу и наставнику, Анатолию Малеву,
посвящается*

Часть первая

– Господа, позвольте, но ведь это чистый флеш рояль!

– Луиша, сядь уже, пожалуйста. Какой это флеш рояль?

Восьмерка-то бубновая, а не червовая.

Общество веселилось.

– Как бубновая? А это что?!

– Правильно! Это уже червовая! Но только из другой колоды...

Сидящий на полочке бес-арбитр соскочил на стол и пододвинул ко мне фишки общего банка, обозначая конец розыгрыша.

– Позвольте, господа! Но это же произвол! Я, в конце концов, буду отстаивать свою честь!

– Ой, Луишка, сядь, кому говорю. – Поскольку банк сорвал я, мне и досталась сомнительная честь успокаивать разбушевавшегося Луи. – В кого ты тут собираешься стрелять? Мы же бессмертные, забыл?

Окружающих жутко забавлял наш диалог, впрочем, как и меня. По-настоящему раздражал он только главного героя, в то время как зрители, столпившиеся вокруг карточного стола, громко похохатывали, слегка расплескивая напитки и роняя пепел от сигар на фалды фраков.

В конце концов Луи сел. У него есть причины расстраиваться – он вот уже десять лет не может собрать *полный*

список заслуг, все попытки приблизиться к заветной пятерке – тщетны. И никто, и ничто не может ему помочь, – даже продажа самой души, каковая у всех нас состоялась давным-давно.

Я – Демьян. Но мое Истинное Имя – тайна. Я – один из шести дюжин демонов написанной в будущем «Новой Гоэтии»¹. Вызвавший меня заговорит на любом языке человека и зверя. Я – повелитель стихий. Появляюсь перед заклинателем в образе огромного козла с рогами буйвола, сидящего на трехглазой черной лошади. Масть ее – как потухшие угли, глаза – как угли пылающие. В руке у козла кувшин, из него он все время льет воду на голову лошади, от которой исходит дым.

Нас всегда семьдесят два – шесть дюжин, но «текучка кадров» существует и здесь: одни уходят, другие приходят. Кто-то пополняет иерархии других миров, некоторые просто со временем исчезают, и никто, кроме Четырех, не знает – куда. Но нас никогда не становится меньше. На место ушедших нанимаются другие. Иногда наши ряды пополняют демоны иных миров. Только несколько слуг тьмы из тех, что описаны у Соломона², до сих пор еще в наших рядах. Остальные – новые. Те, что были наняты после Первого пришествия Христа. И я – один из них.

¹ Гоэтия – средневековая магическая традиция вызывания демонов.

² Автор первой «Гоэтии» – Соломон.

Слякоть и смрад... Стены пещеры покрыты слизью. Вокруг никого. Ни маленький птах, ни смелый орел не сядут на свод его жилища... Ни голодный барс, ни хитрая мышь и близко не подойдут к его скале.

Жители ближайших деревень прозвали его Черным троллем, а на зверином языке имя, которое ему дано, означает – Тот, кто приносит смерть.

Его не зря прозвали Черным – крепкая и бугристая шкура тролля и в самом деле цвета сажи. А рост... Если на плечи высокого человека посадить еще одного, такого же, тогда они были бы вровень с Черным троллем; а если поставить этих двух людей рядом – тогда они достигли бы его ширины в плечах. Когтистые лапы его были так велики, что он мог одной без труда обхватить человеческую голову. И оторвать ее, если надо.

Чем живет подобное существо? Чего оно хочет, к чему стремится? Оно намного умнее зверя и не может жить только ради того, чтобы есть и размножаться, как барс, например. Так что же им движет? Желание показать свою силу, превосходство над другими? Страсть к разрушению? Может быть, как драконы, оно любит сокровища? Нет, нет и нет. У Черного тролля только одна цель, только одно стремление, только одно-единственное вожелание – хотя бы на мгнове-

ние насытить свою *ненависть*! Ненависть ко всему, что живет, что дышит, что существует... К живым тварям и мертвым камням, к людям и насекомым, к зверям и траве – ко всему! В конце концов им движет глубинная, из самого естества исторгнутая ненависть к самому Создателю и всему его творению.

Но ведь он и сам тварь Божия – скажете вы. Тварь – да. Вот только Божия ли...

Троль уже давно не мог спокойно есть и спать – ему не давало покоя, что где-то там внизу, под его скалой, течет жизнь: играют и балуются дети, занимаются делами мужики и бабы, пасутся коровы, текут реки, шелестят леса. Иногда он смотрел на это со скалы и, раздираемый злобой, мечтал о расправе. Он видел горящие деревни, вытоптанные поля, скелеты обглоданных животных, лоскуты окровавленной одежды, носимые гуляющим по безлюдью ветром...

«Я сойду к вам! – думал он, и слюна начинала капать из пасти. – И стану убивать ваших мужиков! Черным дымом буду возникать у них за спиной... Потом, опять став собой, буду отрывать головы и опять превращаться в тень... Пока они все не взвоют от ужаса... Пока они не побегут. Гр-р-р-рх-х-х-х... – рычал он, предвкушая. – Потом буду насиловать женщин. Возникая из тьмы, буду кидать каждую на пол и входить в нее, раздирая внутренности... И входить до тех пор, пока она не издохнет подо мной... Пусть испытает мою страсть! Мою страсть убивать! А потом наконец наста-

нет время заняться детьми. – Слюна не просто капала, а уже текла из пасти тролля, когда он рисовал в воображении эти картины. – Заняться этими маленькими, все время визжащими уродцами. Тех, что постарше, я буду догонять и растаптывать! Да, – троллю очень нравилась эта мысль, – именно так: я буду топтаться по ним и слушать, как хрустят кости и черепа... А потом займусь мелкими... – тут тролль даже подвывал от вожделения и глаза его наливались кровью, – их я буду пожирать. Пока они еще живы. Буду слушать их визги, пить их горячую кровь...»

Эти мысли распалили Того, кто приносит смерть, и он долго не мог уснуть, воображая картины издевательств и мучений, которым подвергнет деревенских. Но, конечно, не смерть девяти деревень, что раскинулись в низине, была мечтой тролля. По плану, вызревающему в его голове, это должно было стать только началом. Началом Великого похода.

* * *

Большой замок, в котором мы пребываем основное время, и есть знаменитая Адская Резиденция. Это очень элегантное и просторное здание, построенное в стиле классицизма с элементами готики. Высокие узкие окна, высокие же потолки, большие залы, кабинеты и прочие помещения. Каждый из семидесяти двух демонов имеет во дворце свою

часть – резиденцию в Резиденции. Кто-то из нас занимает башню, кто-то – часть этажа, двое живут в огромном винном погребе, кто-то нашел пристанище в замковом крыле либо флигеле. У меня как раз крыло – в общей сложности пара залов, дюжина спален и кабинетов. Мне больше не надо – мы люди скромные. Часть моего крыла находится в другом измерении. Это касается и всего замка, который как бы «подвешен» между несколькими мирами. Один из его входов – в виде маленького ветхого здания – находится на Земле, в Европе. Другие порталы – в иных мирах. И только мы – его постояльцы и наши гости – можем видеть Адский Дворец во всем его великолепии.

Когда зашел Нерон, я лежал на диване в кабинете и размышлял. Мой друг в своем репертуаре: он не любит внезапно появляться сразу посреди комнаты, предпочитает не проходить сквозь стены; он поклонник классики, а поэтому просто вошел через дверь. Обычно Нерон принимает облик худощавого брюнета, ростом слегка выше среднего. Всегда в дорогом, идеально отутюженном фраке, но никаких бабочек или галстуков – верхняя пуговица белоснежной рубахи всегда расстегнута, а выглядывающая из-под ворота цепочка сделана из того же таинственного неземного металла, что и сверкающие запонки.

– Я же там бесов-охранников поставил. Хотел немного вздремнуть, чтобы меня не беспокоили. Что с ними?

– Связал между собой и повесил над дверью. Так что не

волнуйся, охранники по-прежнему на посту, – едва заметная ухмылка скользнула по его губам.

Надо сказать, ухмылку Нерона можно смело назвать его фирменным знаком. В этой едва заметной усмешке, как миллионы кварков в одном атоме, спрессовано множество символов, эмоций, отношений к происходящему, недосказанностей. Так, например, конкретная ухмылка, скорее всего, обозначала следующее: «Милый мой, от кого ты ставишь охранников? От своего лучшего друга – хотя я понимаю, что словосочетание «лучший друг» в нашем случае звучит как апогей бреда – от старины Нерона? Так это бессмысленно по нескольким причинам сразу. Во-первых, такие ловушки для меня, как ты понимаешь, – фук. Во-вторых, ну что такое, в самом деле, один демон может скрывать от другого? Или я ошибаюсь? Или ты думаешь, я не догадываюсь, что ты что-то затеял?»

Ну, как-то так. Боюсь, я не могу претендовать на звание главного трактователя усмешек Нерона, но если максимально упростить значение его последней недоулыбки, то в сухом остатке получится, думаю, именно это.

– Говорят, тебя можно поздравить с первым *полным списком заслуг?* – спросил он как бы между делом, внимательно разглядывая сто-раз-им-виденные подлинники импрессионистов на стенах моего кабинета.

Я в ответ промычал что-то невнятное, всем своим видом демонстрируя занятость внутренним мыслительным процес-

сом.

– Думаешь, кто-то из сонма еще не знает, что ты хочешь встретиться с Императором?

Какие только прозвища и имена не дают Дьяволу: и Отец Родной, и Главком, используют и традиционные: Вельзевул, Сатана, Люцифер... Нерон же принципиально называл его Императором.

Я устался на Нерона.

– Но откуда...

– Луиша всем развенел. Как только ты вчера, сорвав банк, получил пятую заслугу, он, как я понял, твою мысль и перехватил. Что же ты, дорогой, эмоции не контролируешь? Не мальчик ведь уже.

Снова усмешка. В коротком изложении суть ее такова: «Наивный. Прозрачен как стекло. Даже трогательно. Надо взять на вооружение. Или это специальный ход? Но зачем? Да нет – он и в самом деле дурачок наивный».

Надо было выкручиваться.

– Да какого Луя, Нерон! Я и не особо прятался!

Не сработало, и очередная легкая ухмылка («я видел первую реакцию – не проведешь, смешно») стала оценкой моей маскировке.

– Ладно, расскажешь потом, как прошло. Так ты и вправду вчера получил пятую заслугу? – спросил Нерон, но было видно, что он уже потерял интерес к этой теме.

– Да, – ответил я.

– Понятно. Смотри, все эти прозвища геев ничего общего не имеют с действительностью! – заговорил Нерон уже гораздо более заинтересованно. Каждый раз, когда он касался подобных вопросов, его охватывало научное вдохновение. – Да и вообще, почему людей, склонных к гомосексуализму, называют сынами Земли? Ведь Гея у греков – это Мать Земля, жена Урана. Или вот еще: в нынешних Штатах волосатых геев называют медведями. Я для интереса трахнул сначала волосатого мужика, потом медведя – ничего общего! А нынче на Руси, в тюрьмах, их называют петухами!

– Неужели пробовал? – не удержался я.

– А то! И гамбургского, и обычного! Ничего общего! Только боль, много крови и воплей. Я бы сказал, что петухами надо называть девственниц. Кстати, это идея! – Нерон сделал пометку в блокноте, который возник в его руке.

Любопытный парадокс: во всем, что касается одежды и привычек, Нерон – неисправимый ретроград. Но во всем остальном он неутомимый экспериментатор и новатор... Я здесь почти пятьсот лет и то давно уже достиг пресыщения, Нерон же здесь более двух тысяч... Впрочем, в первые сто лет моего пребывания оргии в звериных шкурах были едва ли не самым невинным моим времяпровождением. По сравнению с некоторыми другими, скажем так, видами развлечений, в подобных оргиях греха было не больше, чем в первом поцелуе.

– Слушай, Нерон, а где-то в Норвегии, кажется, лесбиянок

называют ножницами. Ты с ножницами в коитус не пробовал вступать? Гарантирую тебе острые ощущения... – попытался съязвить я.

– Очень остроумно, – скривился мой собеседник и, перелистывая листы блокнота и что-то напевая себе под нос, ретировался.

* * *

Черный тролль был известен и в Логунвосте. Впрочем, вряд ли упоминание о нем могло всерьез напугать кого-то в городе, славившемся своими героями. Разве что маленьких деток, которым перед сном родители рассказывают сказки про драконов и прочих чудищ, чтобы малыши, преодолевая детский страх, мужали и вырастали достойными сынами своего народа.

Рассказывали такие сказки и Фросту Шодеру. Хотя долгие разговоры никогда его не увлекали. Вот лазать по деревьям, драться со сверстниками, скакать на коне, стрелять из лука, метать копьё – эти занятия Фросту были больше по душе. Рассказы о подвигах героев его увлекли позже, подростком.

В особенности же деяния легендарного героя Хейля не давали спокойно спать рыжеволосому мальчишке. Сказания и легенды про этого доблестного витязя наполняли сердце Фроста решительностью и жаждой подвигов.

«...Прекрасноликий Хейль с места перепрыгнул через

круп своего верного скакуна, схватил огромный валун и подставил его под копья и стрелы, которые должны были вонзиться в бок его гнедого жеребца. Коварные асторцы пустили больше двух десятков копий и стрел, и все они, не нанеся вреда путникам, впились в каменную глыбу, которую держал неустрашимый Хейль. После чего герой кинул валун в нападавших, и пятеро из них были сокрушены, остальные же спасались бегством...» – читал Фрост и мечтал вырасти таким же мощным и непобедимым, таким же умным и неустрашимым, как легендарный ригелец.

Начитавшись и наслушавшись о подобных приключениях, двенадцатилетний Фрост упросил родителей отдать его на обучение в гвардию Ригеля. Мальчик решил, что станет Защитником – посвятит жизнь тому, чтобы оберегать покой родного города и своих близких, а если понадобится, то и всего Лесогорья.

Древний замок Ригель – сердце Логунвоста. Именно на землях этого замка проходили строгий отбор, а потом и обучение будущие герои Лесогорья. Правила для воспитанников гвардии Ригеля были жесткими – начать с того, что родители, которые передавали своего сына в руки наставникам, могли навещать его не чаще чем раз в году. Лишь когда их ребенку исполнялось семнадцать и он мог поступить на службу в гвардию – а получали это право отнюдь не все воспитанники, – родители наконец могли видеть своего повзрослевшего сына чуть чаще.

Те же юноши, которые прошли обучение в гвардии, но по разным причинам не были отобраны для службы, становились вольнонаемными солдатами. И это – отдельная славная страница Логунвоста!

Надо сказать, что воины из города героев ценились как наемники особенно высоко. Многие вельможи и даже короли не гнушались прибегать к их услугам.

И не было большей чести для отца и матери ригельца, чем стать родителями героя, прославившего Логунвост. Даже если сын их был убит в бою, подвиги его становились предметом гордости родителей и поводом для восхищения ими – теми, кто воспитал героя.

Стоит ли говорить, что и для самих сыновей геройская смерть была вожаделенной целью жизни? Но не достаточно просто погибнуть в бою, – смерть ригельца должна стать предметом зависти, предметом восхищения, основой легенд, баллад и сказаний. Как, например, гибель Руфила Коротышки, получившего свое прозвище за то, что он был на голову выше самых высоких воинов и в полтора раза шире в плечах. От спокойной и размеренной службы в гвардии Ригеля Коротышка отказался сам – жаждал подвигов. И в далеком южном государстве, где Коротышка работал наемником, во время заварушки в морской гавани, он, стоя по пояс в воде, перевернул две неприятельские шлюпки. Потом, перебив барахтающихся, на одной из шлюпок доплыл до их корабля,

вскарабкался по бакштову³ и врукопашную – свою саблю он выронил, пока забирался на борт – отправил к праотцам половину команды. И даже когда герой был ранен стрелой, пущенной из «вороньего гнезда» на фок-мачте, он сумел поджечь порох в крюйт-камере⁴ и взорвался вместе с остатками вражеского экипажа и судном. Вот это – геройская смерть.

Боясь умереть в собственной постели, юные ригельцы еще во время обучения делились друг с другом секретами героической гибели. В самом деле, как избежать бесславной кончины, если ты был ранен в бою и теперь доживаешь последние свои часы на мягком ложе среди печальных родственников? Ответ прост – если ты серьезно ранен, но еще в сознании, умри сейчас! Сделай все для того, чтобы утащить с собой в могилу побольше врагов, и умри! Если ты ранен, но можешь стоять – дерись; если ты безоружен – борись; если лежишь на земле и уже не способен встать – хватай врага за ноги и роняй! А потом опять: дерись, борись, кусайся! Даже если ты, весь израненный, выброшен неприятелем на пустынном острове – хватай кинжал и прыгай в воду! Умри, сражаясь с акулой!

Вот такие давали советы друг другу юные воспитанники, и в таком же духе жили и умирали взрослые ригельцы.

И Шодер рос достойным сыном своего народа. Когда ему стукнуло шестнадцать, не только сверстники, но и большин-

³ Бакштов (гол.) – канат для крепления к борту корабля гребного судна.

⁴ Крюйт-камера (гол.) – погреб для хранения пороха на корабле.

ство взрослых гвардейцев не могли сравниться с ним в физической силе. Да и ловкости, храбрости, военной смекалки Фросту тоже занимать не приходилось. Рассказы о его подвигах – пока еще, правда, местного значения – уже передавались ригельцами из уст в уста.

– Ты слышал эту историю? Вчера Фрост Шодер – ну, этот, самый здоровенный из пятилеток (имелся в виду пятый год обучения), во время тренировочного боя взял своего жеребца, взвалил на плечи и перешел с ним вброд речку Каменку! – говорили одни.

– Этот бугай, слышали, вчера на охоте схватился с молодым медведем! Вы видели когда-нибудь такое, чтобы медведя свалили одним ударом кулака! Лучше с этим парнем не ссориться! – усмехались другие.

– Хорошо, что с нами был Фрост, – делились радостью третьи. – Пока мы только готовили луки и стрелы, он схватил камень и просто сбил им летящую утку. А то улетела бы и мы бы остались без еды.

Ну и так далее. Таких историй было множество, но самого Шодера они занимали мало. Он верил в то, что его ждет *великое предназначение* и ему надо быть готовым к тому, чтобы исполнить свою миссию, – быть готовым всегда.

* * *

Все мы – демоны. Или, если угодно, слуги Ада, или свита

Сатаны, или... – да, много нам названий придумано и ни одно не отображает сути. На самом деле, мы – Иерархи второго уровня Преисподней планетарного масштаба. Адрес распределения – планета Земля, Солнечная система. Иерархи первого уровня – четверо Безликих. На моем веку их видели один-единственный раз – когда кто-то из игравших лет триста назад потратил премию за *полный список* на право их лицезреть. Сам я их не видел – был на задании. Как потом рассказывали, явились четверо – кто-то уверен, что все-таки трое, а были версии, что и пятеро – в больших шлемах, закрывающих головы и шеи до плеч, и в длинных, до самой земли, плащах. Однако шлем не закрывал лица – и лица их больше походили на звериные. Но вот на каких именно зверей они были похожи – тут опять начинается путаница. Большинство рассказчиков склоняются к тому, что они смахивали на морды кого-то из семейства кошачьих, кто-то уверял, что их облик скорее напоминал птичий, некоторые находили их физиономии похожими на лица людей – просто сильно обросшие, с большими веками и узкими разрезами глаз.

Так вот, именно они являются нашими непосредственными начальниками. Демоны получают от них указания в особой комнате, где нет ничего, кроме дивана, пепельницы на маленьком столике и допотопного радиоприемника модели «огурец», который и служит рупором воли Безликих.

Самого же Императора – вслед за Нероном я привык называть его именно так – мы видели всего несколько раз. В

основном, на больших пирах, он сидел во главе стола. Император принимал облик высокого, почти смазливого брюнета с вьющимися волосами. Лет ему было не более тридцати, и фрак сидел на нем идеально. На пирах вел себя скромно, не вызываясь. В шумных оргиях замечен не был, буйным демонам лицо не бил. Сидел себе тихо, задумчиво следил за застольем, попивал хорошее красное и думал, казалось, о чем-то своем. В общем, ангел. Хоть и падший.

Все мы – демоны, и все мы были «наняты», проще говоря, продали свои души. Но это не означает, что каждый, сделавший это, становится одним из нас – как бы не так. Мы – избранные. Многие из нас и при жизни были знаменитыми людьми – легендарными царями, героями, великими мыслителями, властителями дум. Некоторые, правда, не стяжали славы при жизни. У нас мало общего, кроме, пожалуй, одного, и это – главное. Каждый из нас – сильная, незаурядная личность. «Серость» может сколько угодно торговать своей душой – ей здесь не место. Таких мелких человеческих душонков, погнавшихся за какой-нибудь смехотворной целью вроде денег или любовных утех, огромное множество под началом каждого из нас – каждого из демонов Преисподней. Такие души мы скупаем оптом. Им грош цена в базарный день.

Но не думайте, что все великие злодеи Земли попадают сюда автоматически. По этой логике Гитлер, Наполеон, Муссолини и прочие знаменитые тираны должны бы непременно пребывать меж нами и верно служить темному делу. От-

нюдь. Ни того, ни другого, ни третьего, насколько я знаю, никогда не было в сонме Преисподней. Какое-то время, говорят, в составе шести дюжин был Чингисхан. Но это еще до моего здесь появления. Также, по слухам, есть сейчас среди нас демон, который при жизни был Геббельсом. В отличие от Нерона он свое прошлое имя скрывает, поэтому я даже не могу подтвердить – так ли это. Впрочем, если бы меня это и вправду интересовало, я бы нашел ответ на данный вопрос очень быстро.

Также среди нас есть и те, кого люди могут помнить хорошими и добрыми людьми. Вас бы очень удивило, если бы я назвал несколько имен тех, кто сейчас со мной, как говорится, плечом к плечу, вершат наше общее адское дело. Но что-то, значит, случилось в их жизни, а может быть, они чего-то слишком сильно хотели, что подвигло их совершить эту сделку... Как, например, меня.

Это случилось при Иване Грозном – четыре с половиной столетия назад. Я был знахарем – лечил людей травами, настоями и мазями собственного приготовления. Икона всегда стояла в моем жилище на видном месте, хотя и нельзя сказать, что я был чересчур ревностным христианином. В Бога верил, но в церковь ходил редко. Я оправдывал себя тем, что и так много пользы людям приношу – своими знаниями, умениями, снадобьями... Мол, нету времени у меня протирать лапти в храмах. Гордыня – грех великий, сами знаете.

В те-то годы и началась знаменитая охота на ведьм: всех,

кто обладал какими-либо, как бы сейчас сказали, сверхъестественными способностями, называли колдунами и ведьмами и, без промедления, распинали на дыбе или сажали на кол. Да какое там сверхъестественными, обычных гадалок вешали. Простого наговора на невинного человека было достаточно, чтобы того бросили гнить в темницу. Не обошла эта участь и меня: как ни заступались за меня сельчане, многих из которых я пользовал, – не помогло.

Даже хуже стало – двух особо ярых моих заступников самих бросили в каменный мешок.

Девочка семи или восьми лет, белокурое, чумазое, беззащитное создание... Помню тебя вот уже пятьсот лет и никогда не забуду. Ты приходила часто ко мне в дом, помогала, чем могла, тоже хотела моему искусству научиться... Душа твоя чистая, как кусочек голубого неба... Но когда тебя схватили вместе с матерью, ты была вынуждена тоже на меня наговаривать... И больнее всего мне не от того, что тебя заставили лгать – взрослые падали ниц перед этой машиной смерти, не то что дети... До сих пор мне больно вспоминать, как тебе тогда было стыдно... Как ты горько плакала от страха и от стыда. Ты не виновата ни в чем, святое дитя!

И я возроптал. Как можешь, Ты – Создатель всего сущего, позволять свершаться такому беззаконию! Как Ты можешь закрывать глаза на несправедливость и хаос! В чем виновато пред Тобой это безгрешное дитя, которое заставили меня обогатить? Как Ты можешь попустительствовать этому?

На третий день мучений, изможденный, истерзанный, я забылся сном на земляном полу темницы. А бывают такие сны, которые не стираются из памяти после просыпания, – наоборот, после них помнишь каждую мелочь, каждое слово. Мне снилось, что я слышу спокойный мужской голос. Мне было сказано, что если я отрекусь от Бога, то стану одним из властителей мира. Я буду обладать уникальными способностями, управлять большой территорией на Земле, буду иметь под своим началом множество слуг и еще много чего... Любые мои желания, даже самые прихотливые и извращенные, те, о которых обычный человек даже помыслить боится, мгновенно исполнятся. Я не буду знать недостатка ни в пище, ни в вине, ни в женщинах, ни в деньгах – ни в чем!

Отрекись – было сказано мне, – и все это у тебя будет навечно! Не бойся – тебя не обманут. И хотя знал я, что Сатана – отец лжи, почему-то поверил, что это правда, что так все и будет. И, да, меня не обманули. Все это я получил. Но обман был в другом...

Представьте, вы купили дом – заплатили за красивый вид и обстановку, но когда готовите пищу на шикарной кухне – эта еда вас не насытит, вы ложитесь спать в удобную постель – вам не дано на ней выспаться. Тогда-то вы и понимаете, что из этого дома надо бежать.

Я принял это предложение. Я хотел власти, надеясь, что употреблю ее во благо другим. А еще я жаждал покоя... Знаете, все это: чистая одежда, еда, тепло... Все то, за что и в

двадцать первом веке людям приходится вкалывать, а уж в средние-то века вообще было роскошью. Я устал тогда. Просто устал.

И совсем я, малодушный человечиска, не подумал, что теперь у меня будут совсем другие обязанности – полностью противоположные тем, которые у меня были при жизни на Земле. Теперь я буду не помогать людям, а всячески им мешать – сталкивать их с пути праведного. И нет у меня одного только права – не делать ничего, не выполнять свои обязанности. Конечно, могу ничего не делать – но тогда меня просто сместят к бесам и на освободившееся место наймут другого демона. Вот как раз об этом, покупая мою душу, мне никто не сказал.

С тех пор все мои желания – кроме тех, что требовали *полного списка заслуг*, – выполняются; моя работа, хоть и подла по сути своей, – интересна, как любая игра; деньги или ценные вещи у меня появляются в любом количестве, как только они понадобятся. У меня несколько своих замков – резиденций в разных мирах и измерениях, но при желании я могу обзавестись даже собственными планетами. Женщины, вино, развлечения? По-моему, об этом я уже рассказывал. Я могу перемещаться в пространстве со скоростью мысли, могу посещать любые другие миры – кроме нескольких светлых, где нам нужны пропуска, – могу летать, ходить сквозь стены, материализовать предметы, даже покупать чужие души! Я бессмертен. Чего больше? Какой власти или каких ис-

полнений мне еще может хотеться?

Господи!!! Забери у меня все это! Прости меня, грешного, и позволь мне снова стать смертным! Позволь мне вернуться на простую земную стезю! Пусто мне, Господи! Пусто и ничемно! Тоска меня снедает. Все вокруг НИ ДЛЯ ЧЕГО, Все вокруг НИ ЗА ЧЕМ. Птица в золотой клетке – банально, но неотвратно это сравнение. Просто клетка моя состоит теперь из власти и сверхвозможностей, но душе моей – или что там от нее осталось после «сделки» – невыразимо тесно...

Наверное, кто-то скажет: вот мне бы так! Вот идиот – не умеет ценить то, что получил. Чего еще хотеть, о чем мечтать? Неужели счастье в том, чтобы всю жизнь прожить с одной женщиной и вместе состариться? Честно и в поте лица зарабатывать на кусок хлеба, радуясь, если есть, что на него намазать? Вечно копить на собственное жилье и перебраться в него на старости лет, прыгая от восторга, что наконец-то погашены долги? Нет, скажет этот кто-то, извини-подвинься; может быть, ты и пресытился этим избытком, мы же тебе только завидуем. Зря завидуете, между прочим. Я приду к вам. Я куплю ваши души, и тогда вы поймете, в чем разница. Но пока вы еще не разделены со своей душой, я скажу, что души людские созданы для света, и к свету они подсознательно или сознательно стремятся всю жизнь. Если у души отнять это свойство, а заменить какими угодно другими «благами» – материальными или метафизическими, это будет то же самое, как вырастить ребенка при свете настольной

лампы – без единого дня при дневном. Нормально ли будет развиваться такой ребенок? Я скажу даже так – ошибки, совершенные в этой жизни, чаще всего можно исправить в последующих. Но если ты продал душу – ты вне игры. Навечно.

Зато теперь у меня есть все. Кроме самого главного. Света.

* * *

Эльфийское королевство Гровенгридль располагалось от Логунвоста довольно близко – всего два дня пути верхом. Ригельцы и эльфы не дошли в своих отношениях до совместных пиров и смешанных браков, и лишь однажды за всю историю воевали плечом к плечу. Люди и эльфы все-таки слишком разные, и им трудно понять друг друга, но не мешает относиться с уважением.

Король лесного народа Эккеворт спал уже больше двух лет. Вернее, его супруга Нертус считала, что спал, – все остальное королевство смирилось с его смертью. Во время большого празднования Равноденствия Эккеворт просто рухнул наземь. Это не стало неожиданностью – он был уже очень стар, даже по эльфийским меркам. С тех самых пор он и лежал в королевской усыпальнице, в открытом каменном гробу, и лишь не теряющий свежести облик старца позволял предполагать, что он все еще жив. Но в эти предположения уже мало кто верил.

Королева часто приходила в склеп и – если не было срочных дел государственной важности – могла провести там несколько часов. Сегодня она была в сопровождении советника Сагеальфура.

– Такое уже случалось в истории, – сказал он, поглаживая свои, поросшие мелкой сединой, щеки. – Старый маг Тэфраматур также многие годы лежал в усыпальнице как живой... Все думали, что он просто впал в летаргический сон. А потом как-то вдруг стал усыхать и...

– Я знаю, – перебила Нертус, – со старым королем Лоутарайтуром так же было...

Добряк Саге был первым советником Эккеворта и после случившегося с тем несчастьем посчитал своим долгом служить и всячески помогать овдовевшей супруге короля. Признаться, по-настоящему дельные советы Саге давал редко, но на что можно было всегда рассчитывать – так это на живое его соучастие. В любом вопросе, будет ли это касаться дел государственной важности или, например, мытья ступенек Зеленого дворца.

Нертус, привыкнув к его обществу еще со времен правления мужа, относилась к старому, слегка располневшему эльфу с сестринской любовью, но мало полагалась на него в делах действительно важных. Это бремя несла сама.

– Точно! А я и забыл, – шлепнул себя по лбу Саге, – так оно и было. Тоже все ждали, что он очнется...

– А уже потом его перезахоронили у Вяза.

– Может, это какая-то ваша семейная традиция... Умирать... Вот так... Ведь почтенный Тэф тоже приходился дальним родственником вашему супругу.

Руки Саге никогда не пребывают в покое: сразу после шлепка себя по лбу он вновь принялся старательно оглаживать заросшие щеки.

– Да, – Нертус грустно всматривалась в лицо обездвиженного супруга, – он был кузеном мужа.

Они какое-то время помолчали, причем было видно, что Сагеальфур хочет сказать еще что-то, но не решается или не находит нужных слов. Впрочем, так казалось почти всегда, когда Саге находился возле королевы, – видно, что он очень волнуется, хочет сказать что-то важное. Он уверен, что сказанное поможет Нертус: даст ей силы принять судьбу, а может быть, даже повлияет на жизнь всего королевства... Да вот беда, это самое важное никак не хочет приходить в голову старика, никак не может быть не только высказано, а даже и просто понято им самим. Но оно рядом, это самое *важное*, он это чувствовал, а потому руки старика все время двигались, будто пытаясь схватить неуловимое, а губы часто шевелились, силясь произнести невысказанное. И волнение добряка Саге росло с каждым днем, и у этого были причины. Да и Нертус понимала, отчего в последнее время ее старый друг еще беспокойнее, чем обычно.

Гровенгридлю грозила война. Причем сразу с двух сторон. Пророчество Эккеворта начинает сбываться. Лесной го-

лубь принес весть королеве, что тролль все чаще спускается черной тенью к деревьям, все страшнее проклятия слышны из его пещеры. А это значит, что, как и предсказывал эльфийский король, приближается час, когда само Зло будет угрожать Лесогорью.

Кроме того, разведчики донесли, что в королевстве гоблинов снова готовятся к войне. Они уже оправились от разгрома тридцатилетней давности и вновь собирают силы, чтобы одолеть главного врага.

Но сейчас не было у лесного народа достойного предводителя, с которым можно было бы принять бой и победить. Только она сама – Нертус. «Да только, побери меня тот же Черный тролль, какой из меня предводитель?» – думала королева.

Надо сказать, что в королевстве эльфов, в волшебном лесу Гровенгридль не было борьбы за власть, избытка претендентов на трон, интриг и подковерной возни. Строго говоря, желание повелевать себе подобными мало свойственно лесному народу. Если умирал или по другим причинам отходил от дел прежний правитель, власть переходила к его супруге. Если почивший король был холост, на эльфийском альтинге выбирался новый предводитель. По традиции, избирался всегда правитель мужского рода, а тот, в свою очередь, сам решал, кому стать королевой для его подданных. Если новый властитель был женат, этот брачный союз можно было разрушить и король мог поменять избранницу на ту, которая,

по его мнению, более отвечает роли венценосной супруги.

Впрочем, Нертус знала, что даже в прежние времена к этому прибегали крайне редко, но при этом всегда считала, что она – как раз тот случай, когда нужно было воспользоваться королевским правом и выбрать другую, более подходящую для трона эльфийку. Но Эккеворт считал иначе. Он и сам был довольно скромным, не воинственным эльфом, но при этом – и так считали, пожалуй, его подданные – очень мудрым. Он, казалось, был способен видеть будущее на много лет вперед и, в отличие от супруги, никогда не полагался на мнение советников – он знал, как надо поступить в том или ином случае, и все. И его решение почти всегда было верным. Как и решение не менять королеву. Во всяком случае, так тогда казалось всем. В тот день, когда Нертус хотела поговорить об этом, он обнял ее за плечи и сказал: «Только такая королева, как ты, и должна быть у эльфов». Потом поцеловал ее в щеку и удалился в мастерскую, к своим картинам.

Нертус-то знала, что она не создана для королевской доли – скромна, немногословна, излишне сострадательна. Кроме того, она ненавидела власть. Эльфийка не чувствовала себя вправе указывать другим, как им следует или не следует поступать. Серьезные ссоры между эльфами бывали крайне редко, но когда все-таки это случалось, Нертус приходилось тратить огромные усилия на то, чтобы подданные не видели ее растерянности. Ведь она должна была судить и наказывать виновного! Ее выручали только советники – старина Саге и

эльфийская ведьма Скогур-Норти.

Сейчас Нертус было особенно нелегко – с одной стороны, она безудержно скучала по мужу. Она верила, нет, она знала, что он жив. Но при этом холоден и безучастен. Такое случилось и раньше, когда Эккеворт с головой окунался в творчество и становился далеким и отчужденным. Однако он возвращался оттуда – рано или поздно. Только не сейчас. И это было мукой.

Ей не раз приходило в голову отказаться от эльфийской короны, собрать альтинг и выбрать для лесного народа нового, мудрого, сильного короля. И в последнее время она думала об этом все чаще, тщательнее присматриваясь к подданным. Наблюдала, размышляла, взвешивала. Нет, – ни один из эльфов не казался ей достойным короны: тот был силен, самоуверен, но слишком заносчив и себялюбив; другой был умен и даже мудр, но будто бы вырезан из тонкой ивы – слаб и нерешителен. Такой вряд ли сможет повести за собой войско.

«Как звать того веселого и бойкого молодого эльфа? Каутдренгур, кажется... Вот этот был бы славным королем – он уже сейчас верховодит во всех играх, но при этом видно, что добр и справедлив... Но он еще совсем мальчик».

Конечно, Нертус понимала, что ее выбор вполне мог не совпасть с выбором альтинга, но у нее, как у действующей королевы, было право предложить своего кандидата – и к ее мнению, безусловно, прислушались бы. Сейчас ей некого

было предложить, и она пока мирилась со своей участью – со своей ролью эльфийской королевы. Давалось это непросто, но было бы и вовсе невыносимо, если бы она временами не приходила сюда – в усыпальницу. Если бы не говорила со своим спящим мужем, надеясь, что тот ее слышит. Иногда ей казалось, что он отвечает, мысленно дает советы или подбадривает. И она сама не понимала – происходит ли это на самом деле или это лишь ее фантазии.

В прошлый раз, когда была в усыпальнице, она рассказала мужу о том, что пришла пора готовиться к войне. Она просила у него совета, поведала о своих намерениях собрать альтинг, на котором и решить общими силами, что делать. Сегодня же она пришла в усыпальницу за благословением.

* * *

– Слушай, что ты все-таки замышляешь? Ходишь смурной в последние дни. То ли высчитываешь что-то, то ли ищешь, в каком углу начать копать подземный лаз.

Наама, в отличие от Нерона, никогда не пользовалась дверьми, появляясь сразу посреди комнаты. Цвет волос, как и сложение тела демоница меняла порой по несколько раз на дню, но чаще всего у нее были коротко остриженные, красные с рыжеватым отливом волосы, большие синие глаза с огромными ресницами, миниатюрное, словно точеное, тело. Иногда, если это гармонировало с настроением Наамы или

ремешком ее сумки, демоница была при хвосте – довольно длинном, по-своему элегантно, с охвостьем того же цвета, что и волосы. Сегодня она явилась предо мной именно в таком виде, одетая в короткое, красное, сверкающее платье, подол которого сзади был кокетливо приподнят упомянутым хвостом.

Наама вот уже много лет является дамой моего сердца. Испытав многое, многим же и пресытившись, однажды мы поняли, что морально, сексуально и как-то там еще очень подходим друг другу, и стали встречаться. Отвлекаемся, конечно, – здесь без этого нельзя – да и в обществе бы на нас посмотрели косо, но опять возвращаемся друг к другу. И так уже почти сто лет. При этом мы умеем оставаться на той дистанции, чтобы взаимно не утомлять; чтобы ветер одиночества свободно дул между нами, все время слегка освежая, если можно так сказать, проветривая наши отношения. Одним словом, Наама меня не утомляет и не мешает мне жить так, как я хочу, – надеюсь, я ей тоже...

– Ты почти угадала, – грустно улыбнулся я.

– Не ты первый, не ты последний, кому приходят в голову подобные мысли. Можно я приму ванну?

Не получив от меня ответа, так как в нем не было необходимости, она плавно полетела в сторону ванной комнаты. «Мой дом – моя крепость» – это правило точно не касается моих друзей. По-моему, я их все-таки слишком разбаловал – вон даже в мысли мои уже лезут как в общественный сортир!

Ну или как в ванную...

Пришло время пояснить, что же такое *полный список за-слуг*.

Согласно преданиям сам Маркиз Набериус – демон, описанный еще в соломоновской «Гоэтии», однажды пришел в комнату аудиенций и заявил, что ему сотоварищи как-то скучновато. Со свойственным ему красноречием он пояснил, что, мол, работа на общее темное дело – занятие, конечно, дюже увлекательное, полное сюрпризов и прозрений, но вот со свободным временем нужно что-то делать. Иначе в стройных рядах служителей Всеобщего Зла наблюдается разброд и шатание. Ибо, по мнению Набериуса, всемогущие демоны не знают, чего бы им такого захотеть. В самом деле, чего желать тому, у кого есть буквально все – ну, не считая души бессмертной – и чьи желания исполняются ими же самими раньше, чем возникают? Вот, например, сели братья демоны, отдыхая после трудовых будней, в картишки перекинуться... На что бы им сыграть? На интерес? Я еще раз напомним: мы – бессмертные существа, способные двигать планеты и уничтожать цивилизации. Может быть, нам срезаться в подкидного на щелбаны? Ну, конечно же, на деньги! Так ведь тоже не подходит – нету у нас денег-то. Совсем. Вот такие мы нищелброды. Не платят нам. Потому что зачем нам деньги, скажите? Любой из нас может одним движением брови произвести на свет ценностей столько, сколько нет и не было никогда ни в одной сокровищнице, ни в одном

государственном хранилище! Вместо благородного металла хотите в виде цветной бумаги – пожалуйста. Может быть, акции? Облигации государственного займа страны, которая возникнет на Земле только через двести лет? Изволите ли? Правильно, вот и нам они не нужны. Но ведь какая-то цель в игре или состязании – коих здесь множество превеликое – должна же быть?! Мы же демоны, нам чужды духовные радости, нам азарт подавай!

Вот и выдвинул тогда почтенный маркиз идею. Пусть, мол, у демонов будет цель получить что-то, что им – даже при их всемогуществе – получить не дано. Что-то, что не позволено им по иерархическим или даже физическим законам. Как уже говорилось ранее, при всем нашем всемогуществе, есть узкий круг желаний, которые мы должны согласовывать. Например, тот же пропуск на планеты с высоким уровнем духовного развития. Ну не хотят они нас пускать в свои райские кущи без специального пропуска – что тут сделаешь? Или, к примеру, захотел кто-то из нас в отпуск уйти – надоело ему, видите ли, Зло Всемирное вершить, хочет предаться размышлениям о смысле бытия где-нибудь на краю Вселенной. И вроде ненадолго хочет отлучиться – лет на десять – пятнадцать, а опять-таки не позволено без должного согласования. И что самое обидное, скорее всего, заскучавший демон так и не получит краткосрочный отпуск. Если, конечно, нет серьезных доводов. Одним из таких доводов и может стать *полный список заслуг*.

После согласования с Безликими, которые, как и сам Император, отнеслись к идее с пониманием, договорились о том, что именно будет в этом списке заслуг. Вот выдержка из внутреннего устава.

«Демон имеет право претендовать на *нестандартное* либо превышающее *обычный лимит* пожелание в том случае, если он доказал свою исключительную талантливость и незабвенную преданность делу Преисподней. Оные качества демон должен подтвердить успехами в ряде дисциплин. А именно: провести успешную операцию на Земле под собственным руководством; провести успешную операцию на Земле, работая в партнерстве с другим демоном или демонами; выиграть магический поединок межпланетарного значения; выиграть немагический турнир межпланетарного значения; выиграть внутренний игровой турнир».

Переводя на человеческий язык, надо выиграть в трех турнирах: магическом, немагическом и карточном (либо любым другим, игровом), а также два раза особо отличиться на нашем профессиональном поприще, причем один раз надо сработать с кем-то в паре. Вот и вся недолга.

Маркиз Набериус не зря прослыл гениальным демагогом – он умудрился выторговать у Безликих правила, наиболее удобные для него. Вначале, например, было всего четыре категории – и всех, кроме Набериуса, это устраивало: четверка – китайское «число Дьявола», и все дела... Но маркиз был гениальным игроком в пятикарточный покер и вист, а

потому он выпросил или каким-то иным способом уговорил добавить в дисциплины и карты. Говорят, он что-то там плел о том, что демон обязан уметь блефовать, управлять азартом и быстро просчитывать комбинации, а карты эти способности демонстрируют лучше всего. Так дисциплин стало пять. Кроме того, велеречивый демон был слаб в немагических противоборствах. И он сумел убедить Безликих внести оговорку к правилам, которая гласит, что два вторых места в любом из турниров приравниваются к одному первому. Нетрудно догадаться, кто собрал *полный список заслуг* раньше других. Предания Преисподней гласят, что в качестве приза Маркиз Набериус попросил немедленно перевести его в свиту другой планеты, так как среди земных демонов нет ни одного, с кем ему было бы интересно сражаться в вист. Я в эту легенду не очень верю, разве что почтенный Белиал, который, помимо прочего, являлся покровителем игры в кости и карты, куда-то надолго отлучался.

Вот так это и работает с тех пор: собрал полный список, можешь придумать что-то, что тебе было недоступно даже во всем твоём всесилье – встретиться с Императором, заставить все шесть дюжин демонов отпраздновать юбилей – чего, ввиду нашей бессмертности, как-то не принято, получить туристический пропуск на десяток ангельских миров и так далее. Ограничить полет нашей фантазии (вдруг мы захотим, чтобы Император пел нам колыбельную, а Безликие замутили оргию) могут только Четверо. Старая схема: «огу-

рец» – заказ – согласовано.

Я никогда раньше всерьез не хотел собрать полный список – не было нужды. Не было цели, ради которой стоило напрягаться. Но недавно, в приступе холодной тоски, мне пришла в голову идея. Она была невероятной, немислимой, но я должен был попробовать, прежде чем отказаться. Вчера, выиграв карточный турнир в покер, я получил от беса-почтальона красный жетон обладателя *полного списка заслуг*, и я давно знал, на что его потрачу.

* * *

Все девять деревень раскинулись вдоль проселочной дороги. А с противоположной от дороги стороны шли поля, по большей части, пшеничные. И если в хорошую погоду, по осени, посмотреть на деревни издали – со стороны полей, то могло показаться, что деревянные домики утопают в золотом море. В плохую чудилось, что они, как маленькие корабли, раскачиваются на гонимых ветром волнах.

Деревни были небольшие – в самой крупной из них, Урвале, было тридцать домов. В маленькой деревеньке Мельерес всего семь. Там жили обычные люди – днем работали в полях, пасли коров и овец, мастерили что-нибудь нужное, вечерами сидели в харчевне или по домам, ужинали, распивали эль, играли с детьми, целовались или ссорились. Все как обычно. Деревни не были богатыми – хотя когда-то они воз-

никли как поселения рудокопов, которые в этих местах добывали серебро. Но прииски иссякли, а селения остались. Говорят, что в разработке серебра здесь участвовали и гномы. Но гномы иссякли вместе с серебром. Впрочем, бытует мнение, что многие жители девяти деревень и особенно Регместоула находятся с бородатыми карликами в близком родстве. Может быть, поэтому мужики здесь коренастые и носят окладистые бороды.

Жители девяти деревень, конечно, знали о Черном тролле. Боялись ли они его? Не больше, чем медведя-шатуна; то есть да, боялись, но, ничего не зная о волшебных свойствах тролля, не испытывали ужаса, скорее, он их раздражал. Деревенские относились к нему как к неизбежному злу, к которому уже привыкли. В самом деле, из-за чего его было бояться или ненавидеть? Да, тролль нередко разорял их курятники и воровал скот. Убегая с добычей, вытаптывал посевы. Но его набеги больше походили на мелкую пакость и приносили урона примерно столько же, сколько нападение волка на стадо или происки лисы, забравшейся в курятник. Да и тролль забирался в деревенские закрома не ради мести и не с целью войны, он просто хотел есть. Однако так было раньше. Пока Черный тролль не повзрослел. Пока не понял, что является рукой Тьмы. Пока не решил собраться в Великий поход. И первая, ничтожно малая цель Того, кто приносит смерть, – полностью уничтожить девять деревень.

Черный тролль часто смотрел вечерами на огни в домах.

Он слышал голоса, детский смех, ругань взрослых, пьяные песни, ночные вскрики, собачий лай, мычание коров в стойлах... Все эти звуки страшно раздражали его. Несмотря на то, что пещера была далеко, эти звуки мешали ему уснуть.

Он наблюдал, как гаснет свет в окнах, как на деревни опускается ночная мгла и как утром их покрытые сеном крыши трогают первые лучи рассвета. Тот, кто приносит смерть, видел, как невыспавшиеся парни в сопровождении игривых своих псов ведут коров и овец на пастбища; как мужики и бабы, взяв серпы и косы, бредут на поля. То с песнями – посреди недели, то квелые – после праздников. И даже если бы эти парни с собаками, эти мужики да бабы вдруг остановились и оглянулись – вряд ли бы они смогли разглядеть, что где-то там в пещере, возле самой вершины скалы, мерцают тусклым светом два белесых огонька – два внимательных глаза того, кто их ненавидит.

– О... Я сойду к вам... Уничтожу ваше племя... сожгу дома и посевы... Вас не должно быть. Вы – грязь и бессмысленность... Возьмется все время, болтают о чем-то, гадают... Даже ночью слышу ваши мерзкие звуки... Я сделаю так, что ваши крики однажды сольются в один громогласный вопль! Но на этот раз он будет приятен мне! Я буду ждать, буду мечтать о нем... Потому что затем наступит долгожданная тишина, – говорил хозяин этих внимательных глаз, по-прежнему наблюдая за деревенскими из темноты своей пещеры. – Ха! Что это случилось? Почему такая тишина? Так я спро-

шу тогда сам себя... И отвечу... Потому что исчезли с лица земли эти насекомые, эти пакостные существа, которые нарушали покой Того, кто приносит смерть!

Я знаю, чувствую, вы не боитесь меня, – от этой мысли Черному троллю становилось даже физически больно, будто бы что-то с силой сдавливало ему горло, и дальше он уже хрипел, а не говорил, – но я заставлю вас бояться! Гр-р-р-рх-х-х... Заставлю испытывать такой ужас, который вам не приснится в самом страшном кошмаре... А потом буду уничтожать ваше племя повсеместно... Везде, где найду вас. А еще эту пакость: эльфов, гномов, кобольдов... Всю эту мерзость...

Можно подумать, что когда-то Черный тролль сильно пострадал от людей или претерпел от тех же гномов и эльфов... Нет, ничего подобного не происходило. Если и был случай, который мог бы стать поводом для его ненависти, то он связан ни с человеком и ни с эльфом, а с медведем. Несколько лет назад на спящего в своей пещере Черного тролля напал неведомо как взобравшийся сюда медведь гризли. Тогда тролль был совсем юным, а медведь уже матерым. Тролль убил хищника, но шрам от лапы навсегда остался на правом плече победителя. Теперь же тролль воспринимал зверей просто как пищу – менее умную и шумную, чем люди. Он ненавидел их не больше, чем те же камни или растения.

Ненависть же к людям была особенной, и она произрастала не из обиды. Точнее, обида была – но не на кого-то одно-

го, а на весь мир. Так плохо Черному троллю было самому с собой, так раздирала его беспричинная злоба, что он винил в этом всех и вся, и верил, что, убивая тех, кто счастливее его, сам станет счастливее. Или хотя бы на время насытит злобу. А люди... – люди были счастливее. И ближе.

Что же сдерживало Того, кто приносит смерть, от лютой расправы над ними? Почему он еще не спустился и не убил тех, кто ему так ненавистен? Черный тролль был умен. Может быть, это и не очень привычно для существ такого рода, ведь обычные тролли – тупые, злобные существа. Чаще всего мы слышим истории, в которых тролли либо дерутся, либо ругаются, либо пытаются насадить на вертел пойманного человека или гнома. Последние, чаще всего, проявляют непостижимую для троллей смекалку и оставляют великанов с носом.

Черный тролль был иным. Он всегда просчитывал свои действия и умел предугадать, как поведет себя жертва или враг. Эти качества вместе с его волшебными свойствами делали из тролля по-настоящему опасного противника. И Тот, кто приносит смерть, это понимал.

Кроме того, он уже пытался несколько лет назад, по молодости, необдуманно напасть на людей... Измученный бесконечным шумом и песнями деревенской свадьбы, тролль сошел черной тенью, обратился в одного из гостей – благо поздним вечером видимость была никудышной – и, напав сзади, попытался задушить одного из горлопанов. Но силы

еще были не те, чтобы сделать это сразу и не привлечь внимания окружающих. Пришлось спастись бегством, а горлопан, к слову, почти не пострадал тогда.

«Сейчас все будет иначе. Я уже не тот, кто станет убегать от пьяных людишек... Совсем не тот... Скоро вы узнаете это. Очень скоро».

* * *

– Солнечного света, говоришь, тебе не хватает? А почему ты думаешь, что меня хоть в малейшей степени занимает, чего там тебе не хватает? Ты заключил сделку – теперь хлебай то, что сварил, либо катись к бесам! – хрипло закончил Император.

Сегодня Дьявол совсем не походил на ангела, хотя и был в белом... Но не в костюме или плаще – он пребывал в образе Белого костяного демона – внешне это просто скелет рогатого чудовища. Дьявол отдираал клыками куски плоти от человеческой ноги, которую держал в лапах. Останки самого тела с вывалившимися кишками лежали тут же на столе. Эстетика данной картины на меня впечатления не производила. Но и от предложения Императора разделить трапезу я тоже отказался.

– Иными словами, вернуться никак не получится?

Сатана посмотрел на меня кроваво-красными глазами и ухмыльнулся:

– Это что, санаторий, по-твоему? Ты здесь по найму. Навечно.

– Но ведь найм может и закончиться, – говорил я почти шепотом.

– Не может, – был ответ.

– Неужели же нет ни одного способа как-то искупить и вернуться? Нет способа выкупить свою душу? Я согласен на все! Мог бы оплатить какой-то дополнительной работой...

Костяной демон разинул в хохоте свою пасть, из которой вываливалась непережеванная человечина.

– Сведешь в ад дополнительно тысячу уродов, чтобы самому получить отпуск в рай?

Да, глупое предложение.

– Сколько лет ты собирал полный список? – Дьявол отбросил недоеденную ногу и достал из-под стола огромный кувшин с питьем. Стуча зубами по краю кувшина, стал пить, а то, что лилось мимо, оставляло на бело-голубом костлявом теле красные потеки. Надеюсь, что все-таки винные.

– Недолго. Может быть, полгода.

Он сверкнул глазами в мою сторону и буркнул:

– Ты так хорош?

– Просто много лет смотрел, как побеждают другие...

Раньше мне не было это нужно.

– Собирай еще один список. Я подумаю. Но это будет стоить тебе очень дорого – дороже, чем ты можешь себе представить, предатель.

Здравствуй, надежда... Неужели ты окажешься такой же лживой, как счастье, полученное мной в аду?

Вернувшись к себе, я долго не мог собраться с мыслями. Пил коньяк не пьянея, слушал Баха и старался до мелочи, до слова, до жеста припомнить все подробности сегодняшнего разговора.

«Есть надежда? Что значит его последняя фраза «Я подумаю»?! Значит, все-таки есть? Отсюда можно вырваться? Даже ОТСЮДА???» – От волнения перехватило дыхание и очередной глоток напитка застрял в горле, заставив поперхнуться. – Я смогу вернуть душу? Я снова стану человеком? – стакан трясся в моей руке, и я поспешил его поставить на столик. – Да! Совершенно точно он сказал: «Это будет стоить тебе очень дорого, предатель»! Значит, я получу свободу?! – Я несколько раз глубоко вздохнул, наполнил пузатый округлый стакан до краев и осушил его залпом. Только после этого смог мыслить спокойнее. – Чего же мне это может стоить? Я роюсь мышью или пауком? Вряд ли, хотя это было бы вполне в его стиле. Но я просил вернуться на *человеческую стезю*. А даже если и мышью – уж лучше так. Подохну где-нибудь в мышеловке или когтях совы – и то лучше, чем опостылевшее бессмертие. Хоть какое-то освобождение».

Коньяк подействовал, а вместе с опьянением пришло и благодушие. Ну или некое сходное чувство, если учитывать, что «*благо душия*» у меня быть не может по определению. Я лег на диван и стал размышлять уже спокойнее.

Надо сказать, что ограничений по количеству заработанных красных жетонов не существует. Если ты умудрился пять раз собрать *полный список заслуг* – пожалуйста, сподобился на десять жетонов – хвала тебе и твоему демоническому потомству, ежели оно имеется.

Помнится, одно время Нерон соревновался с Демиургом Оншлиссским – кто больше соберет красных жетонов. Кто выиграл, признаться, я не помню, по-моему, все-таки оба набрали по четыре полных списка и бросили эту затею. Надоело.

Теперь о том, как мне собрать новый полный список, и желательно без промедления.

Кроме тех заслуг, что ушли на предыдущий красный жетон, у меня осталась одна неиспользованная – второе место по метанию файерболлов. Турнир «Дракон – повелитель пространств» – на языке оригинала красивее, конечно, – проходил в системе Бетельгейзе. Участвовали демоны со всей Галактики, но только заклинатели стихий. Состязание, впрочем, было довольно примитивным – носились толпой по мертвым планетам, выстреливая огненными шарами по целям на следующем по порядку небесном теле. Кто больше целей уничтожил, быстрее и точнее пускал огненные шары, тот и стал драконистей всех драконов. В общем, я тогда вторым отстрелялся.

А больше у меня в загорелых сейфах и нету ничего. Я вызвал список турниров и заслуг на огромный дисплей ка-

бинета и стал изучать возможности и прикидывать вероятности.

Вариантов заработать заслуги у нас огромное множество. Последнее новшество – рыцарские турниры в стиле европейского средневековья. Несколько их прошло недавно на нашей территории, а теперь грядет новый, но уже на выезде.

Я мысленно активировал нужную строку на дисплее, и на экране отобразился полный список участников. Ага. Кроме нас будут участвовать демоны с Раг и Хаккес, звезда Беллатрикс, созвездие Ориона. А, так это командное соревнование? Буду биться за честь земной Преисподней? Занятно. С их стороны заявлены шестнадцать участников и более пяти сотен гостей. Не слабо. Коэффициент человеческой боли – половина от натурального. Ну, это стандарт. За победу в общем состязании демоны Беллатрикса получают по двадцать премиальных очков. Ну да, у них там своя система – детская немного. У нас же, как всегда, на соревнованиях такого уровня: за победу – одна заслуга. На второе место даже настраиваться не буду.

Вообще-то я предпочитаю магию, но иногда приходится брать в руки и оружие. Помню, мы выиграли в битве на рапирах у фехтовальщиков Сириуса. Не оставили камня на камне от серых ангелов Магелланова Облака в странном соревновании «Побитие камнями» – если бы не одна десятая боли, было бы менее весело. Но последний мой трофей – второе место во внутреннем мушкетерском турнире. Бой состоял-

ся в рамках фестиваля, посвященного столетию Александры Дюма-отца – здесь много поклонников его творчества. Кстати, на организацию этого фестиваля кто-то потратил свой красный жетон. Если мне не изменяет память, Луи и потратил. Вообще шпагу я люблю – это мое оружие. Но превзойти в фехтовании демона Лааграна, который, говорят, учил самого Сирано де Бержерака, я не смог.

Итак, начало турнира на Хаккесе завтра утром. Наама вряд ли полетит – она на этих мероприятиях скучает. Что мне нужно, чтобы выиграть? Я решил немного отдохнуть и завтра все уточнить. Вряд ли, подумалось мне, кто-то из участников будет готовиться к турниру так же тщательно, как я. Вряд ли кому-то это так же важно.

* * *

Обычно альтинг – если не случалось чего-то особого и требующего срочного общего сбора – проходил только раз в году и всегда на главной поляне Гровенгридля. В остальное время проводились тинги. В основном, они были посвящены разбирательству споров между эльфами и не требовали общего собрания семейных древ.

На альтинге присутствовали члены семей всех двадцати шести главных древ Гровенгридля. Древом здесь принято называть одну, а иногда и целую группу семей, связанных между собой общими корнями или крепкой многолетней

дружбой. Некоторые деревья явились в полном составе, не взяв с собой только маленьких деток и их нянек. Лес гудел, предчувствуя грядущую войну с гоблинами. Разнеслись слухи и о Черном тролле, а значит, не время отсиживаться по домам.

Как всегда, на альтинге присутствовали и вечные эльфийские друзья и соседи – феи, наяды, дриады. Это и понятно – все, что будет решено на альтинге, так или иначе коснется и их жизни в лесу. Они внимательно слушали и порой негромко обсуждали между собой то, о чем говорилось на собрании, но сами в спорах не участвовали никогда.

Эльфы не любят решать вопросы голосованием – стараются договориться без него. Но иногда все же приходится подсчитывать голоса.

На огромной поляне эльфийские деревья расположили, как всегда, по кругу и, как всегда, все семьи были в одежде своих традиционных цветов. Над каждой группой развевался стяг с семейным гербом.

Обычно альтинг собирали в конце первого месяца осени – самое удобное время, чтобы оговорить все насущные перед наступающей зимой вопросы. Как идет подготовка запасов на холодное время года. Что нужно сделать, чтобы укрепить границы леса и защититься от нападений диких зверей, шаек гоблинов или троллей. Ведь зимой нападали чаще. Эти и подобные вопросы решались на осеннем альтинге. До общего сентябрьского сбора обычно откладывали и такой ритуал, как представление всему собранию нового главы дерева – ес-

ли бывший предводитель семьи отошел от дел или умер. Но в этот раз Нертус послала приглашение на альтинг на месяц раньше обычного.

Нертус всегда немного боялась выступать перед народом, а негромкий от природы голос никак не помогал ей держать внимание окружающих. Но королева относилась к этой обязанности, как к неизбежности.

Прежде чем открыть альтинг, король или королева должны были испросить благословения у символа Гровенгридля – Большого Платана. По преданиям, венценосный отец Эккеворта – Лоутарайтур Второй – много лет назад разбил со своей свитой лагерь у подножия этого дерева-великана. А утром король решил, что лучшего места для основания своего королевства, чем окружающий лес, им не найти. С тех пор Большой Платан – святыня для каждого эльфа Гровенгридля.

Нертус вышла в середину поляны и при полной тишине преклонила колени перед священным деревом. Потом поднялась и, тоже по традиции, прислонилась лбом к шершавой коре великана – так правитель открывал Большому Платану свою душу, а также испрашивал благословения открыть альтинг.

В нескольких шагах от дерева камнями была выложена особая площадка – в виде солнца. Эту площадку эльфы называли *местом голоса* – с нее говорил тот, кто хотел быть услышан всеми. Сейчас это была Нертус.

– Почтенные эльфы! Дорогие наши друзья и соседи: феи, наяды, дриады! Родной лес! Священный прародитель Гровенгридья – Большой Платан! Я, королева эльфов, Нертус, дочь Лайды и Кроста, внучка Харванда! Жена короля Эккеворта, сына Лоутарайтура Второго – основателя Гровенгридья!

– ...Почившего короля Эккеворта, – выкрикнул кто-то.

Королева продолжила:

– Я прошу у вас разрешения начать альтинг!

Собравшиеся закричали одобрительно.

– Спасибо. Самый главный вопрос, который сейчас стоит перед нами, – приближающаяся война!

– А я не согласен! – Вперед вышел могучий Брьоу-ладыр – первый эльф дерева Клен. Их цвета: красный и оранжевый – и одеты все представители были соответственно. На семейном стяге – традиционный клен с богатой кроной красных осенних листьев. Брьоу был известен скверным характером и вспыльчивостью. – Я считаю, что есть более важный вопрос для всех нас! В королевстве эльфов сейчас нет короля! Он мертв! А королева... – он осекся, подыскивая слово.

– Что королева? Что со мной не так, Брьоу? – спокойно спросила Нертус.

– ...королева не хочет или... – глава Клена выставил вперед ладонь, будто бы останавливая возможные возражения, – не может выполнять свои обязанности... А лесу требуется хозяин! И сейчас, – тут я с тобой соглашусь, Нертус, – тре-

буется более чем когда-либо!

С разных сторон собрания послышались одобрительные возгласы.

«А ведь когда я думала про то, что власть мало интересует эльфов, как-то я подзабыла про Брьоу. Вот кто хочет власти, – подумала Нертус. – Но он будет плохим королем. Слишком заносчив, нетерпим. Не мудр. Но зато смел и решителен, – сама с собой мысленно поспорила эльфийка. – Так, может быть, именно такой король и нужен сейчас Гро-венгридлю?»

Нертус вновь взяла слово.

– Соглашусь с тобой, Брьоу, – я плохая королева. И никогда не хотела ею быть...

Со всех сторон поляны послышались возгласы: и ироничные, и одобрительные, и подбадривающие.

– Так, может быть, пора передать эльфийскую корону достойному королю? – выкрикнул один из сыновей Брьоу.

«А может быть, и правда? – подумала Нертус. – Пусть Брьоу возглавит лесной народ. Пусть остановит тролля, который возомнил себя рукою Тьмы. Пусть разобьет гоблинов, которые готовятся к войне... А я буду помогать, чем смогу. Но только не как королева. Не хочу, не могу. Устала».

Нертус, переждав, когда стихнет гул, все-таки продолжила начатую фразу:

– Я никогда не хотела становиться королевой. И сразу же после того, как муж... – она подбирала слово, – перестал

править, все время ждала и искала возможности отказаться от эльфийского трона. Тем более, – она позволила себе улыбнуться, – мне все равно никогда не нравилось сидеть на нем... Большой слишком.

Послышался одобрительный смех.

– Но я не могла отказаться от короны по одной только причине.

– Интересно, – спросил Брьоу и сделал шаг в сторону Нертус, – и что же это за причина?

– Я... – неожиданно голос отказал Нертус, и она продолжила почти шепотом: – ...считаю, что Эккеворт жив.

– Что? – прогремел Брьоу-ладыр, сделав еще два шага в сторону королевы и уже почти нависая над ней.

Нертус взяла себя в руки:

– Я. Считаю. Что мой муж. Король Эккеворт. Жив.

Альтинг будто взорвался. Поднялся шум, послышались выкрики с разных сторон, возгласы одобрения и протеста.

Слово взял крупный старик с длинными седыми волосами, одетый в серое, – глава древа Осина. Их цвета были серый и серебристый. Он решительно вышел, отстранил Брьоу и встал рядом с Нертус, по-дружески положив руку ей на плечо. Большинство собравшихся любили этого пожилого эльфа за прямоту и честность, поэтому встретили его появление одобрительным гулом.

– Вы все знаете меня, – начал он, – я Винур, глава Осины! Ну а кто не знает, давайте знакомиться.

Вновь одобрительный гул с легкими смешками.

– Эккеворт был и остается моим хорошим другом! Вы все это тоже знаете. И моя семья, а также многие другие семьи Гровенгридля – я со многими обсуждал это – тоже считают, что король очнется и будет править нами, как и прежде.

Гул вновь усилился.

– Король очнется! – кричали одни.

– Конечно! А пока пусть правит Нертус! – вторили им другие.

– Эккеворт никогда не очнется! Он умер! – возражали третьи.

– Эльфам нужен новый король! – соглашались четвертые.

Винур отпустил плечо Нертус и поднял руку в останавливающем жесте, но, как только гул улегся, вдруг отчетливо прозвучал негромкий, но пронзительный голос королевы.

– Я готова сегодня же передать трон новому королю! Пусть альтинг...

Но тут ее перебил Винур, обращаясь при этом не к ней, а к собравшимся:

– Нет! Я считаю, что такое решение будет поспешным! Нертус была и остается достойной королевой эльфов!

Гул одобрения, который Винур использовал для того, чтобы склониться к Нертус и сказать так, что было слышно только ей:

– Ты в самом деле думаешь, что эльфам сейчас нужен такой король, как Брьоу? Одумайся, Нертус!

«Он прав, – подумала эльфийка. – Пожалуй, он действительно прав. А это значит...»

– Как уже сегодня было сказано, Эккеворт не передавал короны другому королю... – вновь в полный голос заговорил глава Осины.

– Не передаст уже! – перебил его Брьоу.

«...а это значит, – думала Нертус, – что если я сейчас откажусь от короны, то поставлю свой покой выше, чем интересы эльфов».

– Я предлагаю сделать так! – продолжал Винур. – Эккеворт, если я не ошибаюсь, впал в беспамятство на празднике весеннего равноденствия?

– Ну и что? – спросил Брьоу.

– Предлагаю отложить этот вопрос до следующего праздника весеннего равноденствия. Если Эккеворт так и не очнется, собрать альтинг и выбрать нового короля, если, конечно, уважаемая Нертус и вправду больше не желает оставаться нашей предводительницей. Кто за?

В этот раз среди семей не было единодушия – вновь нарастал гул, в котором трудно разобрать что-либо.

На место голоса стремительно вышел Брьоу, поднял руку в повелительном жесте и громко провозгласил:

– Не согласен!

Гул стал постепенно стихать – эльфы ждали продолжения.

– Я понимаю теплые чувства, – не без сарказма в голосе произнес Брьоу, – которые испытывает уважаемый Винур к

вдове... Ах, простите, к супруге своего друга!

– Что ты мелешь! – возмутился глава Осины и сжал могучие кулаки.

– Но сейчас не об этом! – продолжал Брьоу-ладыр, не обращая внимания на окрик Винура. – Мы могли бы подождать и до весеннего равноденствия, и, если надо, еще дольше, но есть вопросы, которые не терпят отлагательства! И решить их может только сильный правитель!

– Тогда, – перекрикивая новую волну шума, заявил Винур, – я предлагаю проголосовать! Кто за то, чтобы сейчас же выбрать нового короля, пусть втыкают стрелы в землю слева от Священного дерева! Кто согласен с тем, что мы должны подождать, – справа!

Так голосовали всегда – представители каждого дерева втыкали в землю у Платана стрелу с оперением своего цвета. Голоса эльфов разделились ровно пополам. Тринадцать стрел торчало слева от дерева, еще тринадцать – справа.

Брьоу-ладыр снова поднял руку, пытаясь привлечь к себе внимание. Что именно он собирался сказать, так и осталось неизвестным, так как в это мгновение, прямо между двумя часточками стрел, закружился золотисто-зеленый вихрь. Сначала совсем небольшой, он постепенно вырос до размера эльфа, а еще через несколько мгновений вихрь стал приобретать очертания. Хотя взрослые эльфы не сомневались в том, чей облик сейчас примет маленький сверкающий смерч, то юные представители лесного народа могли не

знать, что во всем Гровенгридле только ведьма Скогур-Норти способна на такие чудеса. Впрочем, обладал таким умением и Эккеворт – но сейчас он вряд ли бы явился перед собранием.

Так и есть. Вихрь превратился в высокую старуху. На ней несколько юбок, какие-то лохмотья на плечах – все желто-зеленого цвета. Казалось, даже копна взъерошенных седых волос отливают желтизной. В левой руке – посох, в правой, поднятой вверх, – стрела с желто-зеленым опереньем.

* * *

Когда продавший душу впервые попадает в миры Преисподней, он переживает непередаваемые ощущения. Эйфорию, ажиотаж, экзальтацию... Столько всего тебе принадлежит, столько возможностей, столько всего захватывающе интересного! Турниры, магические поединки, интриги, таинственные задания на Земле... И, разумеется, оргии до истощения, обжорство до изнеможения, пьянки до забытья...

В первые дни, когда я только осознал собственные возможности и принял открывшиеся таланты, то не бросился изучать другие миры или коллекционировать произведения гениев – это уже много позже возникло. Сначала я, в одной из своих резиденций, которые мне достались по наследству от моего предшественника – ему они уже были без надобности, – наполнил бассейн до краев золотыми монетами и

смотрел, как они переливаются. Потом захотел поплескаться в этом золоте. Я бросился в бассейн – все это, заметьте, с трезвых глаз и в полном одиночестве – и стал делать руками гребки, будто бы я плыву... Но как-то греблось не очень, тогда я решил сделать золото жидким, а себя – устойчивым к высоким температурам. К слову, наше *колдовство* гораздо примитивнее или, наоборот, совершеннее колдовства настоящих магов и колдунов. Нам не нужны ни волшебные снадобья, ни колдовские травы, ни заклинания. Мы – демоны Преисподней – просто говорим, что должно возникнуть или случиться, и это происходит. Вот и вся магия. Демоны со стажем – как я, например, сейчас – могут лишь вообразить нужное, и оно тут как тут.

Итак, я сказал, что хочу стать нечувствительным к горячему металлу, иметь силу такую, чтобы в железе плавать как в воде и чтобы весь бассейн наполнился жидким золотом... А потом ка-а-ак нырнул в него! И плавал, и нырял, и на спинке-то на золотых волнах покачивался, и бочком, и на животе дрейфовал... Почему-то, правда, мысль мне тогда пришла, что я не хотел бы, чтобы кто-нибудь увидел меня за этим моим – во всех смыслах – блестящим занятием... Еще интересно, что до того дня я бассейнов в жизни не видел – как-то у нас во времена опричников на Руси бассейнов был дефицит. Пруды себе бояре рыли, об этом слышал, а вот бассейны, боюсь, просто не выдумали тогда. Потому-то мне и пришлось в голову, когда я впервые увидел этот водоем в сво-

ей резиденции, что в таком резервуаре не воду бы хранить надо, а ценное что-то... Ну а потом, так сказать, вдохновение подключилось...

Миссии всякие наши демонские – или, как мы их называем, «дела адские» нам не сразу поручали. Сначала давали годик-другой на акклиматизацию. Вот я и акклиматизировался денно и нощно. Только шум стоял. С богатствами, надо отдать мне должное, играть мне надоело быстро. Медленный дождь из крупных алмазов в моей земной резиденции стал, пожалуй, итогом моих богатейских причуд. Кстати, рекомендую. На фоне заходящего солнца крупные алмазы, которые как снежинки медленно падают на землю, – зрелище завораживающее.

Потом я жрал. Не ел, не пил. Я жрал. Сначала наколдывал себе самые разные блюда и уставлял ими огромный стол моего зала. Потом стал звать демонов разделить со мной трапезу. Некоторые шли просто познакомиться – понятно, что кроме меня, хронически голодных там не было. Так мы с Нероном и подружились. У него еще с Древнего Рима осталась страсть к пирам. Он уже тогда, во время застолий наших, затевал разные разности беспутные, как бы открывая мне глаза на дальнейшие радости, но мне было не до того. Я жрал. Молча смотрел на бесчинства Нерона под столом, на столе или около, и жевал, жевал, жевал...

До сих пор вспоминать стыдно. Что ты забрал у меня тогда, Сатана? Душу ли? Или просто личину мне помог

скинуть? Я, знахарь, который обходился при жизни куском черствого хлеба либо пустой похлебкой, оказывается, мечтал сидеть и жрать часами, пока челюсть не отвалится? Я лекарь, который только и думал, как людям страдания облегчить, оказывается, просто хотел денег столько, чтобы лопатой грести???

А может... Может быть, в другом дело? Может быть, я просто мстил себе самому? Подсознательно мстил за то, что совершил этот ужасный обмен – продал душу за ничтожные блага. Мол, хотел покушать вкусно? На! Уешься! Хотел вин да прочих напитков изысканных? Улейся-упейся! Женщин красивых недополучил при жизни земной? Складывай штабелями! Хотел деньжонок – да хоть жопой лопай!

И сидел я за столами уставленными, и ел, и пил, и плотским радостям предавался, и с каждым жевком, с каждым глотком, с каждым толчком чресл я вбивал в себя *неизбежность*. Неизбежность сделанного выбора. Проклятого выбора своего.

Наркотики. С ними как-то не срослось. Да они у нас тут мало популярны. Разве что разово – как образцы. Ну, один раз прокатился по волнам героина или кокаина, а потом уже просто достаточно вспомнить и сказать себе – и получишь все это или еще больше, но уже без всякой химии. Так что смысла колоть что-то или нюхать нет никакого. Закрыв глаза, включил фантазию – торчишь и топорщишься как верблюд под душем.

А вот алкоголь среди демонов популярен. Не столько даже из-за вызываемого опьянения, а сколько из-за объединяющего начала. Сели два демона, открыли бочонок с портвейном, и как бы уже темы для разговора искать не нужно – сами появятся. Если демонов три или больше, все это может перерасти не только в пьянку грандиозную, но и породить множество идей – как творческих, так и развлекательного толка.

Но вот тут как раз я оплошал. То есть не то чтобы не пил вовсе или мало – нет, всякое бывало, но это для меня не было новью – напиваться мне приходилось и раньше, еще при жизни. И тяги к пьянству у меня большой не было никогда. Так что здесь я не стал лучшим из лучших.

То ли дело плотские утехы! Тут я ударился во все тяжкие. Уберите детей от экранов. Не останавливаясь на банальностях, в той или иной мере доступных любому землянину, сразу перейду к нашим грандиозным секс-вожам. Тут мне проводником стал, разумеется, Нерон. Мы с ним бродили по борделям Земли времен Атлантиды; летали к звездным системам далеких галактик; время от времени превращались в кроликов, орангутангов, пчел и сейчас уже не вспомню в кого... Если бы мне пришло в голову составить список замысловатых коитусов и оригинальных оргазмов, он бы занял много страниц. Сейчас я все это вспоминаю как-то одним кадром: демоны, люди, инопланетяне в одном большом борделе. Все вповалку и в ярких брызгах света – то ли светомузыка, то ли искры радости в момент оргазма.

Длительный сексуальный вояж мой закончился чувственным соитием в желудке канхорийской цветастой коровы. Потом я узнал, что это только землян юные канхорийки предпочитают совращать в этом месте, – хастрангов они тащат предаваться утехам в благоухающий пупок лесной медузы, а каньват-ты совокупаются с ними просто в верхнем слое дерна.

* * *

– Я Скогур-Норти... Не так давно, лет тридцать назад, – громко заговорила старуха в установившейся тишине, – у меня была семья. Пока проклятые гоблины не ворвались в наш дом и не перебили моих близких! Мои родичи многих уродцев тогда положили, но и сами... пали.

По альтингу пробежал шепот... Та война с гоблинами была совсем недавно – по эльфийским меркам, и многие помнили ее, а те, что не могли помнить по возрасту, знали от старших.

– В тот чертов час меня с ними не было, – с горечью продолжала она, – я билась с гоблинами в другом месте этого проклятого леса, плечом к плечу с нашим королем. Мы наслали на гоблинское отродье сонный морок, и это нам помогло. Мы победили тогда, как вы знаете. Но с тех пор я – одна! И я – единственная из живых со всего древа Ясень. И пришла сюда, чтобы отдать свой голос, будь он неладен!

Стрела, которую старуха держала в руке, медленно полетела в сторону частокола подобных ей и с силой вошла в землю рядом с теми, что были воткнуты за Эккеворта.

– Эккеворт должен остаться королем! А пока он спит... – она произнесла последнее слово нарочито громко и даже немного помолчала, будто провоцируя возражения, – пусть правит Нертус!

– Пусть так! – гаркнул Брьоу, явно недовольный исходом, но также явно опасаящийся связываться с колдуньей. – Мы дадим Эккеворту и Нертус время до весеннего равноденствия. Но через месяц, в дни равноденствия осеннего, я, Брьоу-ладыр, на правах главы Клена, требую собрать альтинг, на котором мы сообща решим, всё ли нынешние правители делают так, как следует!

Одобрительный гул стал ответом на требование Брьоу. Воодушевленный этим, эльф продолжал:

– Готовы ли мы к войне с гоблинами?! Все ли делается, чтобы остановить Зло, которое готовится напасть?! Если эльфы и через месяц получают только обещания, я вновь предложу древам выбор – хотим ли мы, чтобы Нертус и призрак Эккеворта правили нами и дальше! Если через месяц не будет поздно...

Он с досадой сплюнул себе под ноги и решительно зашагал на свое место под красно-оранжевым стягом.

– Вы хотите знать про тролля? – вернула себе слово колдунья. – У меня найдется, что рассказать вам.

– Так говори же, не томи! – выкрикнул Брью.

– Я бы просила королеву, – Скогур слегка поклонилась Нертус, – распустить всех по домам. Пусть останутся только первые эльфы древ. Чем меньше народу будет знать о наших планах, тем лучше для всех.

Нертус кивнула, а потом вышла вперед и закончила альтинг словами благодарности, как всегда: Большому Платану, родному лесу и всем присутствующим. Главы древ, ведьма Скогур-Норти, Нертус и советник Сагеальфур продолжили держать совет.

– Много дней я сидела в засаде, – начала рассказ Скогур, – вылезая из нее только, чтобы пожевать какой-нибудь проклятой травы или справить нужду. Много ночей подряд я подкрадывалась к этому черному уроду, превращаясь то в мышь, то в лисицу... Я, как проклятая, вынюхивала, высматривала, спускалась вслед за ним к деревням, кралась рядом, когда он обращался в туман... Я следила за ним лучше, чем ревнивая жена за своим чертовым мужем!

– Зачем ты делала это, Скоги? – спросил Ролегур, глава фиолетового дерева Черемуха.

– Я хотела убить его, – просто ответила ведьма. – Хотела уничтожить Зло еще до того, как оно станет чересчур сильным.

– И что? – спросил кто-то из присутствующих.

– Я поняла, что он мне не по зубам. Проклятый тролль использует магию, которой я не знаю. Будто сама чертова тьма

питает его силы! Будто черный урод – внебрачный сын самого Короля Тьмы, будь он неладен! Все мои чары, все мои попытки развеять или схватить проклятый черный туман ни к чему не привели! Чертов тролль их даже не замечал!

– А почему ты не убила его спящим? – недоверчиво спросил Брьоу.

– Я старалась, – был ответ, – зарядила посох, прокралась под утро в его проклятую пещеру.

– Не удалось? – Сагеальфур в волнении потирал руки.

– Мои чертовы заклинания были бессильны. Все время будто бы что-то мешало мне. А когда я все-таки умудрилась промямлить своим проклятым заплетающимся языком нужные слова, вместо молнии из моего посоха вылетела маленькая искра, способная сжечь разве что мотылька, будь он неладен.

– А можно было его просто задушить? – спросил силач Ролегур.

– Даже если бы у меня на это хватило сил, он превратился бы в чертов туман и...

– Понятно, – кивнул Ролегур.

– Его магия чем-нибудь ограничена? В кого он может превращаться? – спросил Винур.

– Ха! Да в кого угодно, – ответила эльфийская ведьма. – Насколько я поняла, есть только одно слабое место в его магии. Он не может превратиться во что-то или кого-то, кто гораздо больше его самого – в дракона, например, или, ска-

жем, в табун лошадей. А в того, кто его размера или меньше, – с легкостью.

– Он может делиться? То есть превращаться в нескольких? – спросила Нертус.

– Однажды, охотясь, он превратился в четыре крупные рыси... Это я видела сама. Но обычно он либо проклятый туман, либо уродливый великан с черной шкурой.

– Он – Зло, – вздохнула Нертус, – а у зла много лиц. Эккеворт это часто повторял.

– А он может превратиться в человека или эльфа? – взволнованно спросил Ролегур.

– Думаю, без труда, – усмехнулась Скогур.

– Как мы его можем остановить? – спросила Нертус.

– Правильный вопрос, – Скогур-Норти, устав стоять, села на одно из бревен, которых вокруг поляны было раскидано видимо-невидимо – в качестве сидений для эльфов. Главы семей обступили колдунью. – Его можно остановить только силой.

– Но как? – спросил Ролегур. – Ты же сама сказала...

– И силой, большей, чем твоя, Роле, – продолжала ведьма. – Нужен тот, кто способен сравниться с проклятым троллем. Нужен настоящий герой. И мне кажется, я знаю такого...

– Но как, Скогу? – спросила Нертус. – Роле прав, ты сама сказала, что тролль просто растворится...

– Да, – не стала спорить колдунья. – Но чертов тролль

очень горд и заносчив, потому что еще молод и глуп. Мы поймаем его на проклятой гордости. Слушайте, что я придумала...

Когда о плане было рассказано и все согласились с тем, что он хорош, главы древ вернулись к семьям, а ведьма отправилась на очередную магическую разведку, на поляне остались только Нертус, Винур и Саге.

– Я ведь соврала, – призналась королева, – когда сказала, что не сложила с себя корону только из-за мужа. Просто не вижу достойного короля, Винур. Разве что ты...

– Нертус, ты прекрасно знаешь – я слишком стар для этого... Мы же с твоим мужем сверстники. По-моему, я даже немного старше – лет на десять. Мне уже поздно править. Значит, выберут Брьоу. Кого еще?

– Да, – подтвердила Нертус.

Винур посмотрел на эльфийку и сказал не сразу:

– А этого, Нертус, мы никак не должны допустить... Я не злой, ты знаешь. Но я хорошо разбираюсь в эльфах. Бывает, эльф, как ива, тонок и гибок – но его не сломаешь. Бывает, как дуб... Я думаю, дорогому нашему Ролегуру, например, больше бы подошло именно это дерево как семейный символ...

– Перестань, – с улыбкой одернула Нертус своего старого приятеля.

– А есть такие деревья... Оно внешне может быть и красиво, и величаво... Но подойдешь к нему ближе, а внутри

труха одна... Ты знаешь, Нертус, я простой эльф, всегда говорю прямо, что думаю. Скажу это и на альтинге, если меня спросят, – эльф с трухлявой сердцевиной не должен стать королем Гровенгридля.

* * *

Антураж турнира вполне соответствовал антуражу подобных поединков в средние века на Земле – те же расфуфыренные франты, разодетые дамы, величественные рыцари с их многочисленными слугами, пажами, оруженосцами... Да, одежда и доспехи несколько отличались от их аналогов земного средневековья, – можно даже сказать, сильно отличались. Малопонятными в те времена показались бы и сегодняшние гербы участников – таких зверей и растений на Земле не водилось и не росло. Но, в целом, действо вполне походило на королевский турнир времен какого-нибудь Ричарда Львиное Сердце. Ярко, шумно, пьяно, весело, игриво, азартно, кроваво – все, как должно быть на подобном мероприятии.

На самом почетном месте, окруженный многочисленной свитой, сидел Король демонов Ориона – Великий Ользерога. Я, кстати, никогда не интересовался, что такое Ользерог – то ли планета, то ли замок, а может быть, у него просто имя такое – Ользерога. Рядом с королем восседали четыре его дочери в окружении фрейлин и еще несколько придворных де-

монов. Турнир был посвящен бракосочетанию старшей дочери короля с первыми двенадцатью женихами... Такой у них там, видите ли, институт брака.

Три боя мне удалось выиграть. Из тридцати двух участников остались только мы четверо. Трое орионских и я. В предыдущих боях я выиграл потому, что надел более легкий доспех – легче пробить, но и больше свободы действия в седле, а крепеж копыя перенес на два дюйма выше, что позволяло мне разить над копьём противника.

Надо сказать, что непреложных правил турнира всего несколько. Среди них: толщина лат не должна превышать определенных показателей, материал доспехов только из списка разрешенных, длина копыя не более чем... По регламенту данного турнира и для увеличения зрелищности поединки проходили без щитов. Все остальное – на усмотрение участников. Этим я и воспользовался.

Ну и, разумеется, никакой магии. Попытавшийся ее применить тут же проиграл бы – за этим следили строго.

Следующий мой противник был в полтора раза меньше меня ростом, но крепок и ловок. Маневры в легких доспехах мне вряд ли принесли бы успех. На этот бой я выбрал другую тактику...

– В следующем поединке сойдутся демон Демьян из Солнечной системы и наш всеобщий любимец, демон Аргикл – представитель Сверкающих планетарных миров Ориона! – объявил комментатор боев.

«Интересно, – подумал я, – а чёй-то у них „сверкающие“ и все дела, а мы просто „из такой-то системы“?» Надо тоже как-то выпендриться – пусть мы будем «демоны искрящихся миров Великого Солнца, например», – мешая мне сосредоточиться на поединке, в голову лезли глупости.

Как я и предполагал, недалекие, хотя и амбициозные демоны Ориона попались на стереотип: они решили, что и дальше я буду драться в своей манере. На этом я и сыграл. Учитывая малый вес противника и его природную увертливость, я надел классический, максимально дозволенного веса доспех и вставил в крепление традиционно толстое и мощное копьё – никакой легкой кавалерии! Идем напролом! Когда мой противник при сближении ожидаемо начал раскачиваться в седле, надеясь увернуться от моего удара и нанести свой, я отцепил оружие от крепежа на доспехах и резко выбросил руку с копьём вперед, поразив Аргикла в область живота. Хотя удар получился несильным, расчет оказался верен – веса орудия и инерции моего тела вполне хватило, чтобы выбить орионского демона из седла.

Его копьё тоже весьма ощутимо ударило меня в плечо, но в седле я удержался. Упал он как-то неудачно – кажется, вывихнул или даже сломал ногу, и безлошадного продолжения поединка не понадобилось. Его оруженосец выбросил белый флаг.

В финальной же битве мне пришлось сойтись с Раксмом – самым крупным и мощным демоном системы Белла-

трикса.

– Ну что, дружок, – узнав, что я вышел в финал, Наама прилетела поболеть, – веришь сейчас в свои силы?

– Трудно сказать... В физические – точно нет.

– Надеюсь, ты заблокировал попытки пролезть к тебе в голову, – сказала Наама, – иначе твои коварные планы давно известны в стане противника...

– Если бы они у меня были...

На бой я вновь надел легкие доспехи. По большому счету, без разницы, какое у меня копьё, какие латы, насколько я вложусь в удар. Против Раксама все это – фук.

Можете ли вы представить себя запечатанным в железо от макушки до пяток? При этом сидящим на бронированном коне, несущемся на полной скорости навстречу другому, облаченному в железо воину, только больше вас и сильнее? И который тоже на своем могучем коне несется вам навстречу с огромным копьём наперевес и норовит долбануть им вас в жизненно важные органы? Сможете ли вы мыслить хладнокровно? Раньше у меня это получалось.

Раксам не стал угадывать, в какие доспехи я облачусь, какую выберу тактику, – его превосходство в классе и физической силе было достаточно велико, чтобы не забивать себе голову чужими премудростями. Он же наверняка делал ставку на то, чтобы точно попасть и удержаться в седле. Если он попадет – мне не поздоровится. Если промахнется, но при этом удержится в седле – что, учитывая нашу разницу в

весе и мощности, тоже вполне реально – тогда будет новый заезд, а значит, снова три к семи не в мою пользу. Примерно так я оценивал соотношение сил. Но мне очень нужна была эта заслуга – победа в немагическом турнире. Больше, чем ему, – я уверен.

Согласно тотализатору шансы Раксама на победу были втрое больше, чем мои. Так что три к семи – это я еще себе польстил.

Никакого плана на бой у меня не было – все варианты рассмотрены и отсеяны за несостоятельностью. Я решил импровизировать. Иначе говоря, сделал ставку на удачу, в которую я давно не верю. Остается надеяться, что удача не ответит мне взаимностью.

Тряска такая, что сквозь прорезь забрала облик Раксама едва различим – он то появляется на долю секунды, то вновь исчезает. Хорошо еще, что его шлем украшен каким-то безвкусным ярким плюмажем – это помогает хотя бы приблизительно оценить расстояние до цели. Когда до столкновения остается несколько мгновений, я, повинувшись не разуму, а инстинкту, резко натягиваю поводья и даю шенкеля. Мой конь на полном ходу, перед самым носом Раксама, вдруг встает на дыбы... Чистая импровизация, но за счет этого маневра я получаю преимущество в долю секунды – в ту самую долю секунды, когда Раксам не смог сосредоточиться, пытаюсь понять, что происходит. Именно в это мгновение, пока конь мой стоит в свече, я направляю свое копье в бронированную

башку Раксама. Вес опускающегося на землю коня, а также вся сила и отчаяние, которые я вложил, – пожалуй, только такой удар мог выбить моего противника из седла. Правда, отдача была столь велика, что я сам слетел с коня и грохнулся оземь.

Скорее вскочить и выхватить меч! Я пару раз крутанулся, пытаюсь понять, где я, а где мой противник. Ага, вот он! За то время, пока я, как собака за собственным хвостом, крутился на месте, Раксам успел встать на колени. Но дальше дело пока не шло – гигант был оглушен. Я приблизился и занес меч над его шеей, выразительно посмотрев в сторону стана противника. Белый флаг выкинут не был. Что ж, демоны, любите вы кровавые зрелища... Натe.

Обрызгивая все вокруг кровью, как из шланга, голова Раксама покатилаcь мне под ноги. Через полчаса он, бывший брюнет, а теперь почему-то с фиолетовыми волосами на новой голове, раздавал автографы и принимал поздравления со вторым местом. Завидев меня, оценил мою работу поднятым вверх большим пальцем, но сразу же, с улыбкой, стал тыкать указательным в себя и меня, обещая реванш. Думается, поединок мы оба запоем надолго.

После турнира я каким-то неведомым для себя самого образом оказался в одной постели сразу с тремя дочерьми орионского короля демонов – нам не составила компанию только младшая, малолетняя. Оказывается, оргия была главным призом победителю – помимо заслуги, разумеется. Подроб-

ности этой постельной сцены опустим – надо прожить полтысячи лет среди демонов, чтобы не содрогнуться от наших увеселений.

* * *

Фрост Шодер понял, что его час настал, когда в дом вошла сама королева эльфов. Мать усадила ее за стол, налила своего знаменитого травяного чая и села напротив, уперев подбородок в ладони. Нертус приехала в обществе одного-единственного провожатого – Первого Стражника леса, иначе говоря, командующего эльфийской армией. Бардагам – так его звали – вежливо отказался от угощения и остался стоять у крыльца. Немолодой, уже седой, опытный воин, с лицом, испещренным шрамами, не случайно оставил войско и отправился с королевой. Он должен был не только охранять ее в пути, но и убедиться в правильности их выбора.

Час был очень ранний, и женщинам пришлось подождать, пока Фрост оденется. Однако уже через несколько мгновений полностью одетый, но еще с влажными от колодезной воды волосами, он вышел в кухню. Молодой человек сначала поклонился госте, потом матери и только после этого подсел к столу.

Нертус успела рассмотреть Фроста – могучее телосложение, коротко стриженные рыжие волосы, веснушки... Глядя на складки его рубахи, под которыми прорисовывались

мощные мускулы, королева мысленно согласилась с ведьмой Скогур-Нурти – таких богатырей среди эльфов нет и, наверное, не было. Кость тонка.

«Но так ли он хорош в бою, как она о нем рассказала? Что ж, это уже вопрос к Барди».

– Меня зовут Нертус, Фрост, – представилась эльфийка, – я королева эльфов Гровенгридля. Ты, наверное, слышал обо мне...

Шодер кивнул и продолжил внимательно слушать, глядя перед собой.

– Мы тут с Энзой... с твоей мамой, немного поговорили... Я знаю, ты недавно вернулся со своего первого, не учебного задания...

– Второго, – спокойно заметил Фрост.

– Второго? А первое было какое? Мне о нем как-то не рассказали, – та оживленность, с которой Нертус задала вопрос, была чуть показной – было видно, что ее волнует другое. – Я слышала, что неделю назад ты вернулся с войны... Вместе с войском короля...

– Франбивона...

– Да-да, его... Ты и другие наемники... Вы осаждали крепость?

– Да.

– Ну вот, значит, я правильно помню. И ты, я слышала от твоих друзей и наставников, здорово себя проявил. Был лучшим?

Фрост только плечами пожал, но не произнес ни слова. Он продолжал без улыбки смотреть перед собой – будто бы на кухонном столе происходило нечто более важное, чем этот разговор.

– А что же было первым заданием? – спросила Нертус.

– Они охраняли караван, – за сына ответила Энза.

– И что? Там тоже были... стычки?

– Приходилось, – тихо ответил Шодер.

– То есть военный опыт у тебя уже есть... И это хорошо... – Нертус свернула наконец светскую беседу и перешла к сути. – Ты ведь догадываешься, зачем я здесь?

– Да. Мне вчера сказали, что вы расспрашивали обо мне. Если я правильно понял, вы хотите, чтобы я убил Черного тролля?

«Ого. Ему даже это известно. Откуда бы? Впрочем, слухами земля полнится».

– Что ты знаешь о нем? – ответила Нертус вопросом на вопрос.

– Только то, о чем нам рассказывали в гвардейской школе... – пожал плечами юноша.

– Я расскажу тебе больше. Много больше. Чтобы ты был готов... ко всему. Но сначала скажи: ты возьмешься за это?

В эту секунду Нертус и хотела этого, и боялась, что он согласится. Не дожидаясь ответа, она вдруг встала и вышла на крыльцо. Через минуту вернулась, держа в руках увесистый кошелек, и положила его на стол.

– Не надо... Это... – Шодер отодвинул рукой деньги и поднял глаза на эльфийку. – Это лишнее. Черный тролль угрожает не только эльфам.

– Лишнее или не лишнее, – почему-то с облегчением вздохнула Нертус, – эльфы всегда платят за работу. Когда сделаешь ее – получишь еще столько же. Я считаю, что твоя мать и невеста думают о деньгах иначе.

«Мамка ей уже и про Ани разболтала», – мысленно усмехнулся Фрост.

Нертус вдруг наклонилась к нему, обхватила своими маленькими ручками его огромные ладони и заговорила, стараясь поймать взгляд:

– Ты ведь можешь умереть. Знаешь? Он очень силен...

– Я знаю, – спокойно ответил тот, – и для меня и моей семьи было бы наивысшей честью...

Нертус виновато взглянула на мать, которая не сводила глаз с сына. И печален был материнский взгляд. Эльфийка вновь обратилась к Фросту:

– Никто не сказал, что если ты умрешь, то непременно славной смертью, пойми это. Что скажешь теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.